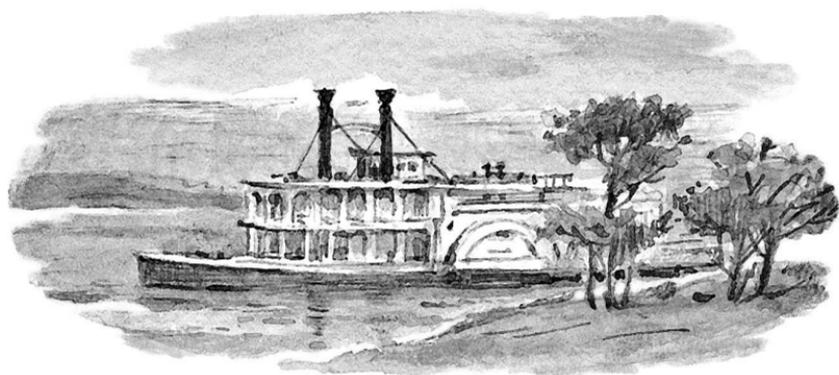

Марк Твен

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА

Перевод с английского
К. Чуковского

Художник
Вадим Челак

УДК 821.111-053.2(73)
ББК 84(7Сое)-44
Т26

Твен, Марк.

Т26 Приключения Тома Сойера / Марк Твен; перевод К. Чуковского; худож. В. Челак. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 286, [2] с. : ил. (Детское чтение).

ISBN 978-5-17-113251-4.

Прототипом главного героя повести Марка Твена «Приключения Тома Сойера» стали сразу три человека — друзья детства писателя. Наверное, поэтому Том Сойер получился таким живым, а его приключения — такими настоящими. Какой мальчишка не мечтал отыскать клад и не пытался отправиться в далёкое путешествие?! История Тома Сойера — это не только шалости и проделки, но и настоящая дружба, отвага и сложный моральный выбор.

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.111-053.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Перевод, Чуковский К. И., насл., 2024
© Ил., Челак В. Г., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава первая
**ТОМ ИГРАЕТ, СРАЖАЕТСЯ,
ПРЯЧЕТСЯ**

— Том!

Нет ответа.

— Том!

Нет ответа.

— Куда же он запропастился, этот мальчишка?..

Том!

Нет ответа.

Старушка спустила очки на кончик носа и оглядела комнату поверх очков; потом вздернула очки на лоб и глянула из-под них. Она редко смотрела сквозь очки, если ей приходилось искать такую мелочь, как мальчишка, потому что это были ее парадные очки, гордость ее сердца: она носила их только «для важности»; на самом же деле они были ей совсем не нужны; с таким же успехом она могла бы глядеть сквозь печные заслонки. В первую минуту она как будто растерялась и сказала не очень сердито, но все же довольно громко, чтобы мебель могла ее слышать:

— Ну, попадись только! Я тебя...

Не досказав своей мысли, старуха нагнулась и стала тыкать щеткой под кровать, всякий раз останавливаясь, так как у нее не хватало дыхания.

Из-под кровати она не извлекла ничего, кроме кошки.

— В жизни своей не видела такого мальчишки!

Она подошла к открытой двери и, став на пороге, зорко вглядывалась в свой огород — заросшие сорняком помидоры. Тома не было и там. Тогда она возвысила голос, чтоб было слышно подальше, и крикнула:

— То-о-о-м!

Позади послышался легкий шорох. Она оглянулась и в ту же секунду схватила за край куртки мальчишку, который собирался улизнуть.

— Ну конечно! И как это я могла забыть про чулан! Что ты там делал?

— Ничего.

— Ничего! Погляди на свои руки. И погляди на свой рот. Чем это ты выпачкал губы?

— Не знаю, тетя!

— А я знаю. Это — варенье, вот что это такое. Сорок раз я говорила тебе: не смей трогать варенье, не то я с тебя шкуру спущу! Дай-ка сюда этот прут.

Розга взметнулась в воздухе — опасность была неминуемая.

— Ай! Тетя! Что это у вас за спиной!

Старуха испуганно повернулась на каблуках и поспешила подобрать свои юбки, чтобы уберечь себя от грозной беды, а мальчик в ту же секунду пустился бежать, вскарабкался на высокий дощатый забор — и был таков!

Тетя Полли остолбенела на миг, а потом стала добродушно смеяться.

— Ну и мальчишка! Казалось бы, пора мне привыкнуть к его фокусам. Или мало он выкидывал со мной всяких штук? Могла бы на этот раз быть умнее.

Но, видно, нет хуже дурака, чем старый дурень. Недаром говорится, что старого пса новым штукам не выучишь. Впрочем, господи боже ты мой, у этого мальчишки и штуки все разные: что ни день, то другая, — разве тут догадаешься, что́ у него на уме? Он будто знает, сколько он может мучить меня, покуда я не выйду из терпения. Он знает, что стóбит ему на минуту сбить меня с толку или рассмешить, и вот уж руки у меня опускаются и я не в силах отхлестать его розгой. Не исполняю я своего долга, что верно, то верно, да простит меня Бог. «Кто обходится без розги, тот губит ребенка», говорит Священное Писание*. Я же, грешная, балую его, и за это достанется нам на том свете — и мне, и ему. Знаю, что он сущий бесенок, но что же мне делать? Ведь он сын моей покойной сестры, бедный малый, и у меня духу не хватает пороть сироту. Всякий раз, как я дам ему увильнуть от побоев, меня так мучает совесть, что и сказать не умею, а выпорю — мое старое сердце прямо разрывается на части. Верно, верно сказано в Писании: век человеческий краток и полон скорбей. Так оно и есть! Сегодня он не пошел в школу: будет лодырничать до самого вечера, и мой долг наказать его, и я выполню мой долг — заставлю его завтра работать. Это, конечно, жестоко, так как завтра у всех мальчиков праздник, но ничего не поделаешь, больше всего на свете он ненавидит трудиться. Спустить ему на этот раз я не вправе, не то я окончательно сгублю малыша.

* Священным Писанием христиане считают Библию — книгу, где собрано много легенд о Боге и всевозможных святых, а также Евангелие — книгу о сыне Божьем Иисусе Христе. Во многих странах Евангелие входит в состав Библии.

Том и в самом деле не ходил нынче в школу и очень весело провел время. Он еле успел воротиться домой, чтобы до ужина помочь негритенку Джиму напилить на завтра дров и наколоть щепок, или, говоря более точно, рассказать ему о своих приключениях, пока тот исполнял три четверти всей работы. Младший брат Тома, Сид (не родной брат, а сводный), к этому времени уже сделал все, что ему было приказано (собрал и отнес все щепки), потому что это был послушный тихоня: не проказничал и не доставлял неприятностей старшим.

Пока Том уплетал свой ужин, пользуясь всяким удобным случаем, чтобы стянуть кусок сахара, тетя Полли задавала ему разные вопросы, полные глубокого лукавства, надеясь, что он попадет в расставленные ею ловушки и проболтается. Как и все простодушные люди, она не без гордости считала себя тонким дипломатом и видела в своих наивнейших замыслах чудеса ехидного коварства.

— Том, — сказала она, — в школе сегодня небось было жарко?

— Да, 'м*.

— Очень жарко, не правда ли?

— Да, 'м.

— И неужто не захотелось тебе, Том, искупаться в реке?

Тому почудилось что-то недоброе — тень подозрения и страха коснулась его души. Он пытливо посмотрел в лицо тете Полли, но оно ничего не сказало ему. И он ответил:

* «'м» — первая и последняя буквы слова «мэдэм», которое употребляется в Англии и в Америке при почтительном обращении к женщине.

— Нет, 'м... не особенно.

Тетя Полли протянула руку и потрогала у Тома рубашку.

— Даже не вспотел, — сказала она.

И она самодовольно подумала, как ловко удалось ей обнаружить, что рубашка у Тома сухая; никому и в голову не пришло, какая хитрость была у нее на уме. Том, однако, уже успел сообразить, куда ветер дует, и предупредил дальнейшие расспросы:

— Мы подставляли голову под насос — освежиться. У меня волосы до сих пор мокрые. Видите?

Тете Полли стало обидно: как могла она упустить такую важную косвенную улику! Но тотчас же новая мысль осенила ее.

— Том, ведь чтобы подставить голову под насос, тебе не пришлось распарывать воротник рубашки в том месте, где я зашила его? Ну-ка, расстегни куртку!

Тревога сбежала у Тома с лица. Он распахнул куртку. Воротник рубашки был крепко зашит.

— Ну хорошо, хорошо. Тебя ведь никогда не поймешь. Я была уверена, что ты и в школу не ходил, и купался. Ладно, я не сержусь на тебя: ты хоть и порядочный плут, но все же оказался лучше, чем можно подумать.

Ей было немного досадно, что ее хитрость не привела ни к чему, и в то же время приятно, что Том хоть на этот раз оказался пай-мальчиком.

Но тут вмешался Сид.

— Что-то мне помнится, — сказал он, — будто вы зашивали ему воротник белой ниткой, а здесь, посмотрите, черная!

— Да, конечно, я зашила белой!.. Том!..

Но Том не стал дожидаться продолжения беседы. Убегая из комнаты, он тихо сказал:

— Ну и вздую же я тебя, Сидди!

Укрывшись в надежном месте, он осмотрел две большие иголки, заткнутые за отворот куртки и обмотанные нитками. В одну была вде́та белая нитка, а в другую — черная.

— Она и не заметила бы, если б не Сид. Черт возьми! То она зашивает белой ниткой, то черной. Уж шила бы какой-нибудь одной, а то поневоле собьешься... А Сида я все-таки вздую — будет ему хороший урок!

Том не был Примерным Мальчиком, каким мог бы гордиться весь город. Зато он отлично знал, кто был примерным мальчиком, и ненавидел его.

Впрочем, через две минуты — и даже скорее — он позабыл все невзгоды. Не потому, чтобы они были для него менее тяжки и горьки, чем невзгоды, обычно мучающие взрослых людей, но потому, что в эту минуту им овладела новая могучая страсть и вытеснила у него из головы все тревоги. Точно так же и взрослые люди способны забывать свои горести, едва только их увлечет какое-нибудь новое дело. Том в настоящее время увлекся одной драгоценной новинкой: у знакомого негра он перенял особую манеру свистеть, и ему давно уже хотелось поупражняться в этом искусстве на воле, чтобы никто не мешал. Негр свистел по-птичьи. У него получалась певучая трель, прерываемая короткими паузами, для чего нужно было часто-часто дотрагиваться языком до нёба. Читатель, вероятно, помнит, как это делается, — если только он когда-нибудь был мальчишкой. Настойчивость и усердие помогли Тому быстро овладеть всей техникой этого дела. Он весело зашагал по улице, и рот его был полон сладкой музыки, а душа была полна благодарности. Он чувствовал себя как астроном,

открывший в небе новую планету, только радость его была непосредственнее, полнее и глубже.

Летом вечера долгие. Было еще светло. Вдруг Том перестал свистеть. Перед ним стоял незнакомец, мальчишка чуть побольше его. Всякое новое лицо любого пола и возраста всегда привлекало внимание жителей убогого городишки Санкт-Петербурга*. К тому же на мальчике был нарядный костюм — нарядный костюм в будний день! Это было прямо поразительно. Очень изящная шляпа; аккуратно застегнутая синяя суконная куртка, новая и чистая, и точно такие же брюки. На ногах у него были башмаки, даром, что сегодня еще только пятница. У него был даже галстук — очень яркая лента. Вообще он имел вид городского щеголя, и это взбесило Тома. Чем больше Том глядел на это дивное диво, тем обтерханнее казался ему его собственный жалкий костюм и тем выше задирал он нос, показывая, как ему противны такие франтовские наряды. Оба мальчика встретились в полном молчании. Стоило одному сделать шаг, делал шаг и другой, — но только в сторону, вбок, по кругу. Лицо к лицу и глаза в глаза — так они передвигались очень долго. Наконец Том сказал:

— Хочешь, я тебя вздую!

— Попробуй!

— А вот и вздую!

— А вот и не вздуешь!

— Захочу и вздую!

* Американцы часто дают своим мелким городишкам громкие названия столиц. У них есть несколько Парижей, три или четыре Иерусалима, Константинополь и т. д. Город, изображаемый в этой книге, они назвали именем тогдашней русской столицы.

- Нет, не вздуешь!
 - Нет, вздую!
 - Нет, не вздуешь!
 - Вздую!
 - Не вздуешь!
- Тягостное молчание. Наконец Том говорит:
- Как тебя зовут?
 - А тебе какое дело?
 - Вот я покажу тебе, какое мне дело!
 - Ну, покажи. Отчего не показываешь?
 - Скажи еще два слова — и покажу.
 - Два слова! Два слова! Два слова! Вот тебе! Ну!
 - Ишь какой ловкий! Да если бы я захотел, я одною рукою мог бы задать тебе перцу, а другую пусть привяжут мне за спину.
 - Почему ж не задаешь? Ведь ты говоришь, что можешь.
 - И задам, если будешь ко мне приставать!
 - Ай-яй-яй! Видали мы таких!
 - Думаешь, как расфуфырился, так уж и важная птица! Ой, какая шляпа!
 - Не нравится? Сбей-ка ее у меня с головы, вот и получишь от меня на орехи.
 - Врешь!
 - Сам ты врешь!
 - Только стращает, а сам трус!
 - Ладно, проваливай!
 - Эй, ты, слушай: если ты не уймешься, я расшибу тебе голову!
 - Как же, расшибешь! Ой-ой-ой!
 - И расшибу!
 - Чего же ты ждешь? Пугаешь, пугаешь, а на деле и нет ничего! Боишься, значит?
 - И не думаю.

— Нет, боишься!

— Нет, не боюсь!

— Нет, боишься!

Снова молчание. Пожирают друг друга глазами, топчутся на месте и делают новый круг. Наконец они стоят плечом к плечу. Том говорит:

— Убирайся отсюда!

— Сам убирайся!

— Не желаю.

— И я не желаю.

Так они стоят лицом к лицу, каждый выставил ногу вперед под одним и тем же углом. С ненавистью глядя друг на друга, они начинают что есть силы толкаться. Но победа не дается ни тому, ни другому. Толкаются они долго. Разгоряченные, красные, они понемногу ослабляют свой натиск, хотя каждый по-прежнему остается настороже. И тогда Том говорит:

— Ты трус и щенок! Вот я скажу моему старшему брату — он одним мизинцем отколотит тебя. Я ему скажу — он отколотит!

— Очень я боюсь твоего старшего брата! У меня у самого есть брат, еще старше, и он может швырнуть твоего вон через тот забор. (Оба брата — чистейшая выдумка.)

— Врешь!

— Мало ли что ты скажешь!

Том большим пальцем ноги проводит в пыли черту и говорит:

— Посмей только переступить через эту черту! Я дам тебе такую взбучку, что ты с места не встанешь! Горе тому, кто перейдет за эту черту!

Чужой мальчик тотчас же спешит перейти за черту:

— Ну посмотрим, как ты вздуешь меня.

— Отстань! Говорю тебе: лучше отстань!

— Да ведь ты говорил, что поколотишь меня. Отчего ж не колотишь?

— Черт меня возьми, если не поколочу за два цента!

Чужой мальчик вынимает из кармана два больших медяка и с усмешкой протягивает Тому.

Том ударяет его по руке, и медяки летят на землю. Через минуту оба мальчика катаются в пыли, сцепившись, как два кота. Они дергают друг друга за волосы, за куртки, за штаны, они щиплют и царапают друг другу носы, покрывая себя пылью и славой. Наконец неопределенная масса принимает отчетливые очертания, и в дыму сражения становится видно, что Том сидит верхом на враге и молотит его кулаками.

— Проси пощады! — требует он.

Но мальчик старается высвободиться и громко ревет — больше от злости.

— Проси пощады! — И молотья продолжается.

Наконец чужой мальчик невнятно бормочет: «Довольно!» — и Том, отпуская его, говорит:

— Это тебе наука. В другой раз гляди, с кем связываешься.

Чужой мальчик побрел прочь, стряхивая с костюмчика пыль, всхлипывая, шмыгая носом, время от времени оборачиваясь, качая головой и грозя жестоко разделаться с Томом «в следующий раз, когда поймает его». Том отвечал насмешками и направился к дому, гордый своей победой. Но едва он повернулся спиной к незнакомцу, тот запустил в него камнем и угодил между лопатками, а сам кинулся бежать, как антилопа. Том гнался за предателем

до самого дома и таким образом узнал, где тот живет. Он постоял немного у калитки, вызывая врага на бой, но враг только строил ему рожи в окне, а выйти не пожелал. Наконец появилась мамаша врага, обозвала Тома гадким, испорченным, грубым мальчишкой и велела убираться прочь. Том ушел, но, уходя, пригрозил, что будет бродить поблизости и задаст ее сыночку как следует.

Домой он вернулся поздно и, осторожно влезая в окно, обнаружил, что попал в засаду, перед ним стояла тетка; и, когда она увидела, что случилось с его курткой и штанами, ее решимость превратить его праздник в каторжную работу стала тверда, как алмаз.

Глава вторая ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ МАЛЯР

Наступила суббота. Летняя природа сияла — свежая, кипящая жизнью. В каждом сердце звенела песня, а если сердце было молодое, песня изливалась из уст. Радость была на каждом лице, каждый шагал упруго и бодро. Белые акации стояли в цвету и наполняли воздух ароматом. Кардифская гора, возвышавшаяся над городом, покрылась зеленью. Издали она казалась Обетованной землей — чудесной, безмятежной, заманчивой.

Том вышел на улицу с ведром известки и длинной кистью. Он окинул взглядом забор, и радость в одно мгновение улетела у него из души, и там воцарилась тоска. Тридцать ярдов деревянного забора в девять футов вышины!* Жизнь показалась ему

* Яр д — английская мера длины, равна 0,91 метра; в футах 0,3 метра.